Труфанов С.Н.
Курс видеолекций: "**КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ**"

Часть II
СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Лекция №15 (дополнительная)

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О ФИГУРАХ СИЛЛОГИЗМОВ

Добрый день. Сегодня я прочту 15-ю лекцию по курсу "Система классической философии". Называется она "Учение Аристотеля о фигурах *силлогизмов*". Это вторая лекция из четырёх дополнительных к нашему основному курсу и к его 13-й лекции, в частности, в которой мы рассматривали "Умозаключения".

В прошлой – 14-й – лекции мы говорили о ***положительном направлении*** аристотелевской логики, которое нацелено на изучение ***реальной*** познавательной деятельности нашего мышления и тех его инструментов, посредством которых оно осуществляет эту деятельность.

А в сегодняшней лекции мы будем говорить об ***отрицательном направлении*** аристотелевской (формальной) логики. Оно имеет в своём основании всё те же знания о познавательной деятельности мышления и его рабочих инструментах, которые создаются положительным направлением. Но свои собственные усилия представители этого отрицательного направления сосредоточивают на изобретении (придумывании, сочинении) каких-то оторванных от реального процесса познания искусственных форм и правил для нашего мышления.

Если говорить коротко, то положительное направление **описывает** наше мышление таким, каково оно есть само по себе, а отрицательное направление придумывает различные **предписания** для него, согласно которым оно якобы должно строить свою деятельность.

Так уже получилось, что основателем и этого второго – отрицательного – направления исследования мышления также стал Аристотель. Сделал он это в своём *учении о фигурах силлогизм*ов, с которым нам сегодня и предстоит познакомиться.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В ту далёкую эпоху, в которую жил и творил Аристотель, в головах людей ещё господствовала созерцательная картина мира, а говоря точнее, созерцательно-мифологическая картина, поскольку мифология являлась неотъемлемым продолжением созерцания. Уровень научных знаний в то время был близок к нулевой отметке. Науки как таковой ещё не существовало. Как следовало писать научные работы, как надо было излагать свои мысли, структурировать и аргументировать их? Этого ещё никто не знал, поскольку такого опыта ещё не было.

Если говорить о технической стороне научного творчества, то писали в ту эпоху простыми палочками на глиняных дощечках, либо на папирусах, либо на пергаментах (телячьей коже). Писали под свет масляных фонарей. Никаких очков тогда и в помине не было. В силу таких условий многократно переделывать и переписывать свои произведения, так как это теперь практикуем мы, в те далёкие времена было делом весьма не простым и затратным по времени. Поэтому те мыслители древности, которые отваживались записывать свои мысли, стремились делать это так сказать с одной попытки, в лучшем случае с двух, ну может быть где-то и с трёх. Всё делалось вручную. Никаких компьютеров и принтеров само собой не было.

Если говорить о степени совершенства произведений Аристотеля, то они более всего напоминают подготовительные черновые материалы. Изложенные в них мысли по современным меркам являются сырыми, недостаточно продуманными, местами путанными, с не устоявшейся терминологией. Где-то они излишне кратко сформулированы, где-то, наоборот, весьма пространно, с мало понятными примерами, с произвольным перетеканием одних и тех же тем из одного произведения в другое. И это в общем-то следует считать нормальным, учитывая то, что Аристотель творил свою науку практически с нуля. Ему ещё просто не на что было равняться.

Кроме того, надо принимать во внимание и то обстоятельство, что у всех произведений Аристотеля была непростая судьбы. До нашего времени не дошло ни одного его подлинника и даже ни одной точной копии его текстов. Многие его произведения были утеряны. Многие пострадали из-за плохих условий хранения. Они плесневели, истлевали, их изгрызали мыши. По этой причине тексты его произведений не единожды переписывались и восстанавливались. В Новое время большинство его произведений было переведено на многие языки. И делалось всё это по принципу, кто как понял, тот так и переписал, так и восстановил утерянный фрагмент, так и перевёл тот или иной абзац. В результате неизбежное искажение смыслов.

Вот что пишет по этому поводу Гегель. Я привожу здесь именно Гегеля не потому, что он является авторитетом для нас, а потому, что он в отличие от многих других философов действительно обстоятельно изучал наследие Аристотеля. Цитирую: "То, что нам известно о судьбе аристотелевских рукописей, говорит о маловероятности того, что хоть какое-то его произведение дошло до нас в неискажённом виде". Вот это тоже надо учитывать при работе с текстами Аристотеля.

Далее мы переходим уже непосредственно к его "Первой аналитике", в которой он изложил своё учение о фигурах силлогизмов.

"ПЕРВАЯ АНАЛИТИКА"

В этом произведении Аристотель стремился разобраться с тем, **что такое умозаключение**, какова его функция и структура? Поэтому "Первую аналитику" можно рассматривать как его **теорию умозаключения** или **теорию силлогизма**. Оба эти слова "умозаключение" и "силлогизм" здесь, в контексте "Первой аналитики", следует рассматривать, как синонимы, поскольку силлогизм в переводе с древнегреческого означает умозаключение. (В первом русскоязычном переводе, который был сделан Николаем Николаевичем Ланге, преимущественно используется слово умозаключение, а во втором переводе, который был сделан Борисом Александровичем Фохтом, – слово силлогизм.)

До появления "Первой аналитики" никакой науки об умозаключающей деятельности мышления не существовало. Вот, как об этом пишет сам Аристотель: "Что касается учения об умозаключениях, то я не нашёл ничего такого, что было бы сделано до меня. И потому мне пришлось самому разрабатывать это учение с большой затратой времени и сил". Т. 2, С. 593. За прошедшие после него два с лишним тысячелетия ничего принципиально нового к сделанному им не прибавилось. Все новые идеи, превосходящие уровень его логики, появились только к концу XVIII столетия. И связаны они были главным образом с именами И. Кант и В. Гегеля. Мы об этом уже говорили в 4-й и 9-й лекциях.

С учётом тех исторических условий, в которых жил и творил Аристотель, было бы ошибкой ожидать от его логического наследия слишком многого и пытаться находить в нём какие-то глубоко проработанные, концептуально выверенные, завершённые учения. То, что Аристотель был первопроходцем логики, что именно он заложил основы этой науки, это само собой. За это ему честь, хвала и всемирная слава, которую он имеет. А вот те научные результаты, которых ему действительно удалось достичь, это уже другая сторона дела, которая должна восприниматься нами в соответствии с современными требованиями.

Аристотель, как и все другие люди, был сыном своего времени, опередить которое, причём на целые тысячелетия вперёд, при всей его гениальности, он не мог. А значит и относиться к его наследию надо, во-первых, без каких-либо предвзятых завышенных ожиданий, а во-вторых, с присущих нашему времени критических позиций. Нелепо заведомо полагать, что всё сказанное Аристотелем является истинным только потому, что он Аристотель.

А любая критика для того, чтобы быть конструктивной, должна опираться на более зрелое и совершенное учение. Таковым для нас является "Наука логики" Гегеля и тот её раздел, в частности, который посвящён умозаключениям. В этом разделе весь относящийся к умозаключающей деятельности мышления материал, который необходимо было изучить и осмыслить, и который во времена Аристотеля находился ещё в спутанном неразобранном состоянии, в "Науке логике" представлен уже в разобранном и упорядоченном виде.

И коль скоро мы с вами овладели логикой Гегеля, то теперь можем позволить себе использовать её для раскрытия смысла аристотелевского учения об умозаключениях. Некоторую часть этой работы мы проделали в прошлой лекции, когда рассматривали положительное содержание логики Аристотеля, но большую часть нам предстоит проделать в этой лекции, где мы будем говорить уже об отрицательном направлении его логики.

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О ФИГУРАХ УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ (СИЛЛОГИЗМОВ)

Всего в "Первой аналитике" 73 главы, но самыми важными из них являются первые семь. Именно в них Аристотель изложил своё учение о фигурах умозаключений (силлогизмов).

Что такое умозаключения? Зачем они нужны?

Судя по его текстам и приводимым примерам, Аристотель полагал, что с помощью умозаключений наше мышление решает две последовательные задачи. Сначала оно подводит воспринимаемый нами предмет под подходящее для него общее (родовое) понятие. Затем распределяет попавшие под это понятие предметы по видам. Например: "Данное растение имеет корень, ствол, ветви, листья. → Корень, ствол, ветви, листья присущи деревьям. → Следовательно, данное растение является деревом". И далее: "Некоторые деревья имеют белёсый ствол и резные листочки. → Белёсый ствол и резные листочки присущи берёзам. → Следовательно, эти (некоторые) деревья являются берёзами". Или: "Некоторые деревья имеют тёмный ствол и фигурные листочки. → Тёмные стволы и фигурные листочки присущи дубам. → Следовательно, данные деревья являются дубами".

Здесь надо вспомнить о чём мы говорили в предыдущей лекции. В те далёкие времена, когда жил и творил Аристотель, ***знанием*** и, соответственно, ***познанием*** считалось умение людей распознавать окружающие предметы и распределять их по видам и родам. Вот именно с этих позиций Аристотель и рассматривал функцию умозаключений. Он полагал, что оба этих действия: а) подведение предметов под родовые понятия, и б) последующее распределение этих предметов по видам, осуществляются нашим мышлением посредством одного умозаключения, которое, однако, состоит из двух частей или двух актов. Первым актом мышление переходит от воспринимаемых нами предметов к их общим (родовым) понятиям. А вторым актом оно разделяет это общее (родовое) понятие на виды.

Позднее Гегель в своей "Науке логики" покажет, что оба эти действия представляют собой две последовательные ступени выстраивания мышлением понятия предмета. И на этих ступенях мышление применяет разные технологии. На первой ступени, когда подводит предмет под общее понятие, оно использует **три фигуры** умозаключений наличного бытия (качества), а на второй ступени, когда распределяет эти предметы по видам, оно использует **три разновидности** умозаключений существования (рефлексии): дедукции, индукции, аналогии.

Но Аристотель конечно же ещё ничего не знал об этих ступенях. Поэтому он полагал, что обе эти задачи мышление решает посредством одного двухактного умозаключения, которое строиться по типу "алаверды". Сначала идём от реальных предметов к их общему (родовому) понятию, а затем возвращаемся от этого родового понятия вновь к данным предметам, но уже с пониманием их видовых отличий.

По этой причине при описании своих фигур Аристотель сначала говорит об **общих посылках** умозаключений и их **общих выводах**, а после – во второй части той же главы – о **частных посылках** умозаключений и их **частных выводах**. В ходе этого он использует уже такие слова, как "все" и "некоторые", как "общее" и "частное". "Все" – это те предметы, которые входят в данное *родовое* понятие, а "некоторые" – это та их часть, которые имеют какие-то *видовые* отличия. Когда мы из "всех" выделяем "некоторых", а от "общего" отделяем "части", то это уже рефлективные действия нашего мышления, которые нацелены на выявление каких-то различий предметов.

Вот это стремление Аристотеля за счёт одного умозаключения решить сразу две задачи, было вполне естественным для него самого, но преждевременным для его эпохи. Пытаясь-таки реализовать это стремление в своём учении о фигурах силлогизмов, он тем самым значительно усложнил его содержание. Собственно, поэтому-то современному человеку и трудно понять это учение. Для нас эти две задачи – а) подведение предмета под общее понятие, и б) разделение этого понятия на виды – являются разными, отдельными друг от друга. А у Аристотеля они идут сдвоено, тандемом.

Поэтому в ходе нашего знакомства с этим учением мы сосредоточим своё внимание главным образом только на первых частях (половинах) текстов тех глав "Первой аналитики", в которых Аристотель описывает свои фигуры. В них он описывает то, как наше мышление подводит воспринимаемые нами предметы под общие (родовые) понятия. А что касается их вторых частей (половин), где Аристотель пытается описать уже то, как из общих понятий извлекаются виды, то мы их рассматривать не будем. Они ничего не добавляют к пониманию интересующих нас здесь фигур умозаключений, а, наоборот, только усложняют эту задачу!

Далее мы переходим уже непосредственно к его учению о фигурах умозаключений. И здесь на придётся опять немного повториться, но иначе никак.

Общий признак.

Первоначальная задача мышления заключается в том, чтобы подвести воспринимаемый нами предмет под соответствующее ему общее понятие. Это общее понятие является на данном этапе всего лишь общим (родовым) именем, которое обозначает некую группу схожих по каким-то параметрам предметов. Т.е. это ещё вовсе никакое не понятие, а только лишь общее представление данных предметов, которому мы дали имя и немного описали его.

Чтобы подвести предмет под это общее понятие мышление составляет два суждения. В первом оно фиксирует наличие какого-то отличительного признака у воспринимаемого предмета. Во втором суждении оно констатирует наличие такого же признака у этого общего (родового) понятия. И далее мышление связывает эти два суждения между собой и делает вывод. Так возникает умозаключение.

Например, отвечая на вопрос "Является ли Сократ смертным?", мы выстраиваем следующее умозаключение: "Сократ – человек. → "Люди (человеки) смертны. → Следовательно, Сократ смертен". Другой пример, отвечая на вопрос: "Является ли Пётр студентом?", мы выстраиваем такое умозаключение: "Пётр изучает науки. → Студенты изучают науки. → Следовательно, Пётр является студентом".

Две посылки и вывод.

Из сказанного следует, что любое умозаключение состоит из двух суждений и вывода, который также является суждением. В составе умозаключения суждения называются **посылками**, а вытекающий из них вывод – **заключением**.

В нашем примере суждение "Сократ – человек" является первой посылкой умозаключения, а суждение "Люди (человеки) смертны" – второй. Вытекающий из них вывод "Следовательно, Сократ – смертен" является заключением.

В другом примере суждение "Роман изучает науки" является первой посылкой умозаключения, а суждение "Студенты изучают науки" – второй. Третье суждение "Следовательно, Роман является студентом" – это заключение.

Б*о*льшая и **м*е*ньшая посылка**.

Поскольку посредством умозаключения мы связываем единичный предмет с общим понятием, то это значит, что его посылки не могут быть равными по своему объёму. Та посылка, в которой находится *общее* понятие, является *б**о**льшей* по объёму, а та посылка, в которой находится *единичный* предмет, *м**е**ньшей*. В нашем примере посылка "Все люди *смертны*" является б***о***льшей, а посылка "*Сократ* – человек" – м***е***ньшей. В другом примере "*Студенты* изучают науки" является б***о***льшей посылкой, а "Роман изучает науки" – м***е***ньшей.

Одновременно обе посылки б***о***льшими или м***е***ньшими быть не могут.

Термины умозаключения.

Посылки умозаключения состоят из *терминов*. В каждой посылке имеется один *крайний* и один *средний* термин. Поскольку задача среднего термина состоит в том, чтобы связывать между собой крайние термины, он присутствует в обеих посылках. В нашем первом примере крайними терминами являются "Сократ" и "смертные", а средним термином – "человек/люди". Во втором примере крайними терминами являются "*Роман*" и "*студенты*", а средним термином – "*изучение наук*".

Вывод умозаключения состоит только из крайних терминов. Среднего термина в нём (выводе) нет. Нет потому, что, сделав своё дело, т.е. позволив нам связать между собой крайние термины, этот средний термин отходит в сторону.

Термины умозаключения могут называться также его *членами*, *элементами*, *звеньями*, *компонентами* и т.п.

Связка.

Кроме двух терминов в каждой посылке имеется ещё и соединяющая их связка. Когда эта связка имеет положительное значение, она выражается словами: есть, суть, присущ, является, свойственен, и т.д. А когда к этой связке присоединяется отрицательная частица "**не** ", то она, а вместе с ней и вся посылка принимают отрицательное значение.

Положительные и **отрицательные посылки**.

Согласно сказанному посылки умозаключения могут быть как положительными (утвердительными), так и отрицательными. Если обе посылки являются положительными, то положительным будет и вывод умозаключения. А если только одна посылка является положительной, а другая отрицательной, то отрицательным будет и вывод. Если же обе посылки будут отрицательными, то вывод будет неопределённым.

Модусы.

Три варианта сочетания посылок дают три ***модуса*** умозаключения (от лат: modus – ступень, способ, образ, вид). Если обе посылки положительные, то умозаключение имеет *положительный* модус. Если одна посылка положительная, другая отрицательная, то умозаключение имеет *отрицательный* модус. Если обе посылки отрицательные, то – *неопределённый* модус.

Пример положительного (утвердительного) модуса: "Роман изучает науки. → Изучают науки студенты. → Следовательно, Роман является студентом".

Отрицательный модус: "Роман **не** изучает науки. → Изучают науки студенты. → Следовательно, Роман не является студентом". Либо, наоборот: "Роман изучает науки. → **Не**

изучают науки студенты. → Следовательно, Роман не является студентом".

Неопределённый модус: "Роман **не** изучает науки. → **Не** изучают науки студенты. → Следовательно, Роман может как быть студентом, так и не быть им".

Простые и **сложные умозаключения**.

Когда умозаключение состоит из двух посылок, оно является ***простым*** (синонимы: *нормальным*, *совершенным*, *чистым*). Когда же оно состоит из трёх и более посылок, то оно является ***сложным*** (синонимы: *ненормальным*, *несовершенным*, *смешанным*).

Таково описание строения умозаключения, которое Аристотель дал в первой главе своей "Первой аналитики". Согласно этому описанию, простое или нормальное умозаключение состоит из двух посылок и вывода. Одна из его посылок является б***о***льшей, другая – м***е***ньшей. В каждой посылке имеется по одному крайнему и одному среднему термину, а также соединяющая их связка. Связка, а вместе с ней и вся посылка, могут быть как положительными, так и отрицательными, что обусловливает наличие трёх модусов умозаключения: положительного, отрицательного, неопределённого. Если умозаключение состоит более чем из двух посылок, то оно является уже не простым, а сложным.

Действия мышления, настраивающие смысл умозаключений.

Все перечисленные элементы образуют несущую конструкцию умозаключения, его жёсткий каркас. Жёсткий в том смысле, что каждый из этих элементов необходим, что каждый из них занимает в структуре умозаключения своё собственное место.

Но в то же время все эти элементы являются настраиваемыми, подвижными, варьируемыми, в том смысле, что с их помощью мышление осуществляет тонкую настройку смыслов создаваемых им умозаключений.

В этих целях оно:

1. Меняет порядок ***посылок*** умозаключения.
2. Переставляет ***термины*** в самих посылках.
3. Перемещает отрицательную ***частицу "не"*** от среднего термина к крайнему и наоборот.
4. Избирательно применяет содержание ***среднего*** термина.

Вот за счёт таких действий мышление придаёт своим умозаключениям более точный смысл.

Когда мы связываем два суждения между собой и делаем вытекающий из это связи вывод, то мы создаём умозаключение. Но создаём лишь его принципиальную конструкцию, которая позволяет нам выражать смысл этого умозаключения лишь только в общей или грубой форме. Поэтому в ходе выстраивания умозаключения наше мышление производит ещё и тонкую настройку его смысла. Каким образом? За счёт перечисленных выше действий.

И здесь надо отдать должно Аристотелю за то, что он, разобравшись сначала со структурой умозаключения и описав её, перешёл далее к исследованию вот этих действий мышления по тонкой настройке смыслов умозаключений. И именно в ходе этого исследования он и открыл свои фигуры умозаключений.

А мы, соответственно, последуем за ним в порядке названных действий.

1. Перестановка посылок

Первое настраивающее смысл умозаключений действие мышления связано с изменением порядка их посылок. У самого Аристотеля нет описания этого действия, но для полноты картины мы кратенько рассмотрим и его.

В каком порядке должны выстраиваться посылки умозаключения? В каких случаях на первом месте должна стоять м***е***ньшая посылка, а в каких – б***о***льшая? Ответ таков: порядок расположения посылок не имеет никаких строгих правил. Всё зависит как раз от смысла,

который выражается посредством данного умозаключения, а также от особенностей того языка, на котором формулируется и высказывается это умозаключение.

Отдельного подхода требуют только первоначальные умозаключения, посредством которых мы соотносим воспринимаемые нами предметы с подходящими для них общими понятиями. Почему? Потому, что процесс познания окружающего мира начинается с чувственного восприятия таких предметов. Ничего другого, кроме них, нам не дано. И поэтому в таких начальных умозаключениях на первом месте должна стоять м***е***ньшая посылка, в которой мы фиксируем наличие какого-то отличительного признака у воспринимаемого предмета. Например: "Роман изучает науки" или "Сократ – человек". А б***о***льшая посылка, посредством которой мы констатируем наличие такого же признака у общего понятия, должна быть второй, т.е. стоять следом за м***е***ньшей.

Во всех других умозаключениях последовательность посылок может быть разной, в зависимости опять-таки от высказываемого через них смысла.

Вот, собственно, и весь ответ на этот вопрос. И далее мы переходим ко второму действию.

2. Перестановка терминов

Второе действие мышления связано с перестановкой терминов в посылках умозаключения. *Простое* или *нормальное* умозаключение, как мы уже сказали, состоит из двух посылок. При этом в каждой из этих посылок имеется один крайний и один средний термин. Всего, следовательно, в каждом умозаключении присутствует четыре термина, по два в каждой посылке. Вот как эти термины выглядят на схеме.

A → B
B → C

A → C

"**A → B**" – это первая посылка умозаключения. "**B → C**" – это вторая посылка. "**A → C** " – это *вывод* (заключение). "**A**" и "**C**" – это ***крайние*** термины умозаключения, а "**B**" – это ***средний*** термин, который находится в обоих посылках.

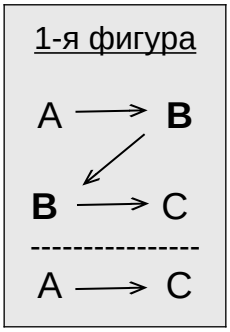
В целях наиболее точного выражения смысла своих наше мышление использует перестановку терминов в посылках. И это действие даёт ему четыре варианта (схемы) расстановки терминов в умозаключении. Аристотель был первым, кто показал, что мышление человека практикует подобную перестановку терминов. И вот именно эти четыре варианта (схемы) расстановки терминов он и назвал ***фигурами*** умозаключений (силлогизмов).

ПЕРВАЯ ФИГУРА. С первой фигурой мы уже познакомились выше. Вот как в ней расположены термины.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	**B** → A **B** → C --- C → A	A → **B** C → **B** --- C → A	**B** → A C → **B** --- C → A

На первом месте в этой первой фигуре находится крайний термин **А**, далее стоят два средних термина, которые обозначаются буквой **В**, и на последнем месте стоит второй крайний термин **С**. Например: "Роман **изучает науки**. → **Изучают науки** студенты. → Следовательно, Роман – студент". Другой пример: "Сократ – **человек**. → **Люди** (человеки) – смертны. → Следовательно, Сократ смертен".

Иногда эту первую фигуру, как, впрочем, и все остальные, изображают ещё и в таком виде с привлечением стрелок.

Первая фигура умозаключения, согласно Аристотелю, является:

а) простой по своему составу, т.е. состоящей из двух посылок,

б) естественной по своему происхождению,

в) базовой для нашего мышления, в том смысле, что именно посредством неё оно решает все свои задачи.

Можно сказать и так, что первая фигура умозаключения является матричной для нашего мышления. От неё отталкиваются и к ней сводятся все другие его возможные фигуры.

ВТОРАЯ ФИГУРА. Далее мы меняем местами термины в первой посылке этой первой фигуры. Её вторую посылку мы не трогаем, оставляем её такой, какова она есть. В результате мы получаем **вторую** фигуру (вариант, схему) расстановки терминов. Вот как она выглядит.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	**B** → A **B** → C --- A → C	A → B C → B --- C → A	B → A C → B --- C → A

Если в первой фигуре первая посылка имеет вид "А – В", то во второй фигуре она имеет противоположный вид "В – А". В результате такой перестановки оба средних термина во второй фигуре оказываются расположенными в начале посылок, впереди крайних терминов. Например: "**Изучает науки** Роман. → **Изучают науки** студенты. → Следовательно, Роман является студентом". Другой пример: "**Человеком** является Сократ. → **Люди** (человеки) смертны. → Следовательно, Сократ смертен".

Такова схема второй фигуры, которую Аристотель называет также *средней*.

ТРЕТЬЯ ФИГУРА. Далее мы возвращаемся опять к первой фигуре и на этот раз переставляем местами термины в её второй посылке. При этом первую посылку мы не трогаем, оставляем её такой, какова она есть в первой фигуре. В результате получаем **третью** фигуру (вариант, схему) расстановки терминов умозаключения. Вот как она выглядит.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	B → A B → C --- C → A	A → **B** C → **B** --- A → C	B → A C → B --- C → A

В первой фигуре вторая посылка имеет вид "**B** – С", а в третьей фигуре она приобрела обратный вид "С – **B**". Из-за этого оба средних термина в этой третьей фигуре оказываются расположенными уже в конце посылок, позади крайних терминов. Например: "Роман **изучает науки**. → Студенты **изучают науки**. → Следовательно, Роман – студент". Другой пример: " Сократ – **человек**. → Смертными являются **люди** (человеки). → Следовательно, Сократ смертен". Такова схема третьей фигуры, которую сам Аристотель называет также *последней*.

ЧЕТВЁРТАЯ ФИГУРА. Этой фигуры у самого Аристотеля не было. Её добавили позднее его последователями. И добавили её в общем-то вполне справедливо, поскольку эта четвёртая фигура (схема) сама как бы просилась встроить её в этот ряд, дабы он обрёл завершённый вид.

В этой четвёртой фигуре мы меняем местами термины уже в обоих посылках. Вот как это выглядит.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	B → A B → C --- C → A	A → B C → B --- C → A	**B** → A C → **B** --- A → C

Расположение терминов в четвёртой фигуре оказывается противоположным по отношению к первой фигуре. Например: "**Изучает науки** Роман. → Студенты **изучают науки** . → Следовательно, Роман является студентом". Другой пример: **Человек** есть Сократ. → "Смертными являются **люди**. → Следовательно, Сократ смертен".

Таковы все четыре варианта (схемы, фигуры) расстановки терминов в посылках умозаключений. Вот эти-то варианты (схемы), как мы уже сказали, Аристотель и называл фигурами умозаключений. Вот как они выглядят все вместе.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
A → **B** **B** → C --- A → C	**B** → A **B** → C --- A → C	A → **B** C → **B** --- A → C	**B** → A C → **B** --- A → C

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
Роман **изучает науки**. **Изучают науки** студенты. --- Роман – студент.	**Изучает науки** Роман. **Изучают науки** студенты. --- Роман – студент.	Роман **изучает науки**. Студенты **изучают науки**. --- Роман – студент.	**Изучает науки** Роман. Студенты **изучают науки**. --- Роман – студент.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура	4-я фигура
Сократ – **человек**. **Люди** смертны. --- Сократ смертен.	**Человек** есть Сократ. **Люди** смертны. --- Сократ смертен.	Сократ – **человек**. Смертны **люди**. --- Сократ смертен.	**Человек** есть Сократ. Смертны **люди**. --- Сократ смертен.

Какую из этих четырёх фигур следует считать главной, определить невозможно, поскольку все они являются равнозначными инвариантами одной и той же фигуры. Каждая из них может рассматриваться и как главная, и как производная от главной.

Если исходить из того, что назначение среднего термина умозаключения состоит в том, чтобы связывать между собой крайние термины, то базовой фигурой следовало бы считать первую, поскольку именно в ней оба средних термина расположены между крайними. Т.е. визуально именно схема первой фигуры более других соответствует сути умозаключения.

A → **B**
B → C

A → C

Но поскольку задача средних терминов состоит именно в том, чтобы связывать крайние термины, то на какое бы место мы ни поставили их, они так или иначе будут делать своё дело – связывать эти крайние термины между собой. Собственно, поэтому-то во всех четырёх фигурах (схемах), несмотря на разное расположение их терминов, мы имеем один и тот же вывод. На наших схемах – это: "A → C". А в наших примерах – это: "Роман – студент" или "Сократ смертен".

Как именно должны быть расставлены термины в том или ином умозаключении, это наше мышление определяет исходя из того смысла, который оно выражает посредством них. А этот смысл, в свою очередь, задаётся общей темой разговора (беседы, доклада, статьи, книги, обсуждения, назидания, спора, и т.д.), а также его динамикой, тональностью, эмоциональным окрасом.

В какой-то момент речи мышлению нужно сначала сделать акцент на обсуждаемом предмете (крайнем термине), и только потом на его признаке (среднем термине). В какой-то момент, наоборот, ему сначала надо артикулировать признак (средний термин) и только потом обратить внимание на предмет (крайний термин).

Наличие у мышления таких четырёх вариантов расстановки терминов свидетельствует о гибкости (эластичности) человеческого ума, его способности находить различные пути для выражения требуемых смыслов.

Первую из этих четырёх фигур (схем) Аристотель описал в 4-й главе, вторую – в 5-й главе, третью – в 6-й главе своей "Первой аналитики". Четвёртой фигуры, как мы сказали, у него не было. Её добавили позднее.

И здесь возникает вопрос. А почему у Аристотеля не было четвёртой фигуры, ведь она не была бы для этой таблицы лишней? Почему он ограничился только тремя фигурами?

Произошло это видимо потому, что при составлении своих схем (фигур) расстановки терминов Аристотель исходил из того, что ключевую роль в них играет местоположение среднего термина. Это – первое. А второе то, что руководствовался он при этом линейной записью этих схем.

Вот так согласно описанию самого Аристотеля, выглядит линейная запись этих схем.

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура
A – **B** – C	**B** – A – C	A – C – **B**
---	---	---
A – C	A – C	A – C

В первом варианте оба средних термина, которые Аристотель выражал одной буквой "B", стоят между крайними терминами. Отсюда первая его фигура: A – **B** – C.

Во втором варианте оба средних термина, которые Аристотель выражал опять-таки только одной буквой "B", находятся уже впереди крайних терминов. Отсюда схема второй фигуры: **B** – A – C.

В третьем варианте оба средних термина стоят уже в конце обоих посылок, позади крайних терминов. Отсюда схема третьей фигуры: A – C – **B**.

Так вот, если руководствоваться такой линейной записью, то возможны только три варианта расположения среднего термина. Он может находиться либо **посередине** между крайними терминами, либо – **впереди** них, либо – **позади** них. Четвёртого варианта здесь просто нет. Поэтому у Аристотеля и получилось только три фигуры.

Вот как эти же схемы (фигуры) выглядят на приводимых им самим примерах, в которых он уже дважды указывает средний термин:

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура
A – **B** → **B** – C	**B** – A → **B** – C	A – **B** → C – **B**
---	---	---
A – C	A – C	A – C

А вот как эти же фигуры (схемы) выглядят при их **столбцовой** записи, которую начали применять последователи Аристотеля:

1-я фигура	2-я фигура	3-я фигура
A — **B** **B** — C	**B** — A **B** — C	A — **B** C — **B**
---	---	---
A – C	A – C	A – C

При таком подходе, когда ключевая роль при составлении схем расположения терминов отводится местоположению среднего термина, и при такой линейной записи этих схем, которой пользовался сам Аристотель, можно было "открыть" только три фигуры.

Такова суть второго действия нашего мышления, которое заключается в перестановке местами терминов в посылках умозаключения. Оно даёт четыре варианта (схемы, фигуры) расстановки терминов.

К мысли о том, что прогресс в развитии познавательной деятельности мышления каким-то образом связан с расстановкой терминов умозаключения, Аристотеля видимо подтолкнула интуиция. И это привело его к открытию трёх фигур умозаключений.

Но, как покажет позднее Гегель, прогресс в развитии познавательной деятельности мышления действительно связан с изменением фигур умозаключений. Только эти изменения касаются не самого среднего термина, как такового, а тех определений понятия, которые последовательно проходят через него. И средний и крайние термины являются, согласно Гегелю, лишь *местами*, которые требуют своего *наполнения*. И вот такими наполнителями являются определения понятия – единичное, особенное и всеобщее, которые последовательно проходят через все эти три места (термина). Вот как это выглядит в логике Гегеля:

Е – **О** – В
В – **Е** – О
О – **В** – Е

Само по себе местоположение среднего термина, как мы уже сказали, ничего не определяет. Куда бы мы его ни поставили, он так или иначе будет соединять крайние термины.

Но Аристотель ещё ничего не знал ни о понятии как таковом, ни о его определениях. Поэтому хотя интуиция и натолкнула его на правильный путь, но довела его лишь до мысли о существовании фигур умозаключений, но не до их сути. Время ещё не пришло для этого.

3. Перемещение частицы "не" от среднего термина к крайнему

Далее мы переходим к третьему действию мышления по тонкой настройке смыслов умозаключений, которое основано на возможности перестановки отрицательной частицы ***не*** (отрицательной связки) от среднего термина, к крайнему.

Чтобы придать посылке, а вместе с ней и всему умозаключению отрицательное значение, мышление вносит в неё частицу "**не**". Эта частица может располагаться в двух её местах. Она может стоять либо перед средним термином посылки, либо перед её крайним термином. Крайними терминами в подобных умозаключениях являются, с одной стороны, познаваемый нами предмет, с другой – то понятие, под которое мы его подводим. А средним термином – какой-либо их общий признак или свойство.

Когда мышление помещает частицу "**не**" (отрицательную связку) перед *средним* термином, то в этом случае оно подвергает отрицанию именно этот средний термин, т.е. признак или свойство познаваемого предмета. А когда оно помещает эту частицу перед крайним термином, то оно подвергает отрицанию уже сам этот крайний термин, т.е. сам предмет. И вот от того в каком из этих мест будет стоять частица "**не**" зависит в определённой степени и смысл всего умозаключения.

В первом случае, когда частица "**не**" стоит перед средним термином, посылка имеет *простое отрицательное* значение. В ней отрицается только средний термин, т.е. признак предмета. Во втором случае, когда частица "**не**" стоит уже перед крайним термином, посылка приобретает *исключающе-отрицательное* значение. Из неё исключается сам крайний термин, т.е. сам предмет. Например. Если мы скажем "Студенты **не** изучают науки", то это будет просто *отрицательная* посылка. А если скажем "**Не** студенты изучают науки" или "Изучают

науки **не** студенты", то она будет уже *исключающе-отрицательная* посылка.

Что такая перестановка частицы "**не**" даёт мышлению? Она расширяет его выразительные возможности в плане придания умозаключениям более точного смысла. Например, высказывание "Боги **не** обжигают горшки" имеет один смысл, а высказывание "**Не** боги горшки обжигают" имеет уже несколько иной и более богатый смысл. В нём как бы незримо (без упоминания) присутствуют уже не только боги, но и какие-то другие субъекты, которые, в отличие от богов, имеют положительное отношение к горшкам.

Другие примеры *исключающих посылок:* "Не нами это придумано...", "Не для меня Дон разольётся...", "Не меня он целовал" и т.п.

Исключающими, но не обе сразу, могут быть, как б***о***льшая, так и м***е***ньшая посылки умозаключения. Например: "**Не** студенты изучают науки. → Изучает науки Роман. → Следовательно, Роман **не** является студентом". Либо: "Студенты изучают науки. → Изучает науки **не** Роман. → Следовательно, Роман **не** является студентом".

Когда одна из посылок умозаключения имеет исключающее значение, то его вывод может быть только ***отрицательным***.

Возможность перестановки частицы "**не**" от среднего термина к крайнему, как мы уже сказали, расширяет выразительные возможности мышления, но вместе с тем это действие делает такие умозаключения *сложными* по составу. Иначе говоря, если одна из посылок имеет исключающее значение, то такое умозаключение может быть только сложным, т.е. может состоять не менее чем из трёх посылок. Почему?

Когда мышление ставит частицу "**не**" перед крайним термином (перед предметом), то тем самым оно как бы удаляет этот термин из посылки. Но, оставив эту посылку без крайнего термина, мышление тем самым теряет возможность напрямую связать её со второй посылкой умозаключения. Например: посылка "**Не** студенты изучают науки" говорит нам лишь о том, что их (науки) изучают какие-то другие люди. Но нас здесь интересуют не кто-то другой, а именно "студенты", поскольку наша задача в данном случае состоит в том, что бы дать ответ на вопрос: "Является ли Роман студентом?". Нам, следовательно, требуется связать нашего Романа именно со студентами, а не с кем-то ещё.

Чтобы решить эту задачу, мышлению приходится делать дополнительную работу. Ему необходимо первым делом восстановить в правах этот крайний термин (предмет). Для этого ему следует преобразовать *исключающую* посылку в просто *отрицательную*. Сделать это оно может двумя способами. Либо переставить частицу "**не**" от крайнего термина к среднему: от предмета – к его признаку. Либо оставить эту частицу на своём месте, но поменять местами сами эти термины.

И то, и другое действие представляет собой дополнительное суждение, которое мышление вынуждено формулировать и вводить в данное умозаключение. В результате появления такого дополнительного суждения умозаключение перестаёт быть простым и становится сложным. Например: "Коль скоро ***не*** *студенты* изучают науки, а какие-то другие люди, то стало быть сами студенты не изучают их (науки). А раз студенты ***не*** *изучают* науки – здесь мы имеем уже просто отрицательную посылку, в которой крайний термин (студенты) уже восстановлен в своих правах, – то у нас нет оснований считать Романа студентом".

Изначально эта б***о***льшая посылка имела *исключающий* вид: "**Не** студенты изучают науки" или "Изучают науки **не** студенты". Но после её преобразования она приобрела простой *отрицательный* вид: "Студенты **не** изучают науки". В этой посылке мы отрицаем уже не сам предмет, а только его признак (свойство).

Вот это действие по преобразованию посылок умозаключения Аристотель назвал операцией ***обращения***. И эту операцию он описал во 2-й и 3-й главах своей "Первой аналитики".

Из сказанного следует, что все умозаключения, в составе которых имеются

исключающие посылки, являются *сложными*. Но в реальной жизни наше мышление не всегда делает их таковыми, т.е. сложными. Оно не всегда вводит в них такие дополнительные суждения. Когда мы произносим фразу "**Не** боги горшки обжигают", то при этом мы предполагаем, что у неё должно быть продолжение. Например: "Горшки обжигают люди. → Сами боги горшки не обжигают. → Следовательно, люди не являются богами, а боги не являются людьми". Но мы не формулируем это продолжение, мы опускаем его, поскольку то, что мы хотели сказать, мы уже выразили одной фразой.

В этом состоит достоинство таких *исключающих* умозаключений. Номинально они должны быть сложными, но реально они остаются простыми. И в этом опять-таки надо видеть проявление своего рода хитрости или изворотливости или мудрости человеческого ума. За счёт таких, казалось бы, тяжеловесных по составу исключающих умозаключений, оно не только не осложняет себе жизнь, но даже наоборот, облегчает её, и при этом оно расширяет ещё и свои возможности.

При этом, однако, надо помнить, что использование таких исключающих умозаключений не носит массового характера. Они применяются, как правило, только в отдельных случаях и только в жёсткой привязке к сопровождающему их контексту (разговора, доклада, и т.п.).

Согласно позиции самого Аристотеля, действие мышления по перестановке частицы "**не**" от среднего термина к крайнему (от признака – к предмету) возможно только в умозаключениях второй фигуры. Более того Аристотель провозгласил это действие ***правилом*** данной фигуры. Согласно этому правилу одна из посылок умозаключения второй фигуры должна в обязательном порядке быть ***исключающей***, а другая – ***утвердительной***. Соответственно вывод из этой фигуры будет ***отрицательным***.

Но это положение Аристотеля является не верным. Исключающими могут быть посылки в любой фигуре, вне зависимости от того, как в ней расположены термины. Здесь определяющую роль играет не столько порядок расположения терминов, сколько то место, на которое мышление ставит частицу "**не**". Например, мы можем сказать: "**Не** студенты изучают науки", а может сказать: "Изучают науки **не** студенты". При этом обе эти посылки имеют исключающее значение.

Здесь возникает ещё один вопрос. Почему же тогда Аристотель приписал это действие по перестановке частицы "**не**" именно ко второй схеме (фигуре) расположения терминов? Чтобы ответить на него надо опять-таки обратить внимание на ту запись (схему) расстановки терминов, которой руководствовался сам Аристотель. Вот как она выглядит согласно его описанию.

В – А – С

А это тот её вариант, который Аристотель приводит в своих примерах.

В – А → **В** – С

А это её столбцовый вариант, который появился после Аристотеля.

<u>2-я фигура</u>

В — А
В — С

А — С

"B" – это средний термин, "A" и "C" – это крайние термины.

А вот как эта вторая схема выглядит на нашем примере.

2-я фигура

Изучают науки студенты.
Изучает науки Роман.

Следовательно, Роман – студент.

Отличительной особенностью этой второй схемы (фигуры) является то, что в обоих её посылках средние термины стоят впереди крайних. Поэтому если мы добавим в эту фигуру частицу "**не**", то она в обоих случаях окажется расположенной перед одним из её крайних терминов. И в первой, и во второй посылке она будет стоять именно перед крайним термином, и, соответственно, отрицать она будет именно этот крайний термин.

Вот как это отрицание будет выглядеть в аристотелевской схеме.

B не A – C или **B** – A не C

Либо так:

B не A → **B** – C или **B** – A → **B** не C

Либо так:

2-я фигура

B → A
B → C

A → C

2-я фигура

B → A
B не → C

A → C

В какую бы посылку этой фигуры мы не поставили частицу "**не**" (отрицательную связку), она так или иначе будет отрицать один из её крайних терминов, либо сам предмет, либо то понятие, под которое мы его подводим. Вот, собственно, по этой причине Аристотель и мог приписать данное действие мышления по перемещению частицы "**не**" именно к этой – второй – схеме расстановки терминов. К этому его могло подтолкнуть само визуальное восприятие этой схемы, где средние термины стоят впереди крайних.

B не A – C или **B** – A не C

Благодаря появлению у этой второй схемы собственного правила, она приобрела статус **фигуры**. До этого она была просто одной из схем расположения терминов, а соединившись по

воле Аристотеля с действием мышления по перестановке частицы "**не**", она превратилась в фигуру. Теперь она уже не абы чо, теперь у неё есть правило, которому должно подчиняться мышление.

Но не смотря на огромный авторитет Аристотеля, мы всё же должны признать, что оба компонента, из которых он сконструировал свою вторую фигуру, а именно: а) вторая схема расстановки терминов и б) действие мышления по перестановке частицы "**не**", сами по себе никак не связаны друг с другом. Расстановка терминов – это одно действие мышления, а перемещение частицы "**не**" – это уже другое его действие. И между этими двумя действиями нет никакой прямой зависимости. Они были объединены в одну "фигуру" только благодаря воле Аристотеля.

Мыслящее Я человека в самом себе всегда свободно. Оно не подчиняется никаким шаблонам. Оно как хочет, так и расставляет термины в посылках, и куда хочет, туда и помещает частицу "**не**".

Свою исключающую роль эта частица ("не") способна играть при любой расстановке терминов, а не только при той, которую Аристотель называл второй. Если мы посмотрим на первую схему (фигуру) расстановки терминов, то увидим, что её вторая посылка, в случае внесения в неё частицы "**не**", так же будет иметь исключающее значение. Например: "Изучает науки **не** Роман". Самое интересное, что Аристотель, судя по его текстам, знал об этом, и даже пытался это как-то обосновать. Почему помимо его второй фигуры, такая исключающая посылка может иметь место и в первой.

Таково третье действие мышления по тонкой настройке смыслов умозаключений, которое основано на возможности перестановки частицы "**не**" от среднего термина к крайнему. Аристотель привязал это действие ко второй схеме расстановки терминов, благодаря чему он создал свою вторую фигуру умозаключения, которую он описал в 5-й главе своей "Первой Аналитики".

Ещё раз Аристотель обратился к этой теме уже в 46-й главе. Там он пытался выяснить разницу между выражениями "**не** есть" и "есть **не**". Например: "Это **не** есть яблоко" или "Это есть **не** яблоко". Но эти поиски уже не дали ему никаких значимых результатов.

4. Избирательное применение содержаниям среднего термина

Далее мы переходим к четвёртому действию мышления по тонкой настройке смыслов умозаключений, которое основано на избирательном применении содержания среднего термина.

Когда мы подводим воспринимаемые нами предметы под соответствующие им общие понятия, то делаем этом через их средний термин. В роли этого среднего термина выступает какой-либо общий им (предмету и понятию) признак или свойство.

Поскольку задача среднего термина состоит в том, чтобы связывать крайние термины между собой, то в силу этого, как мы уже говорили, он присутствует в обеих посылках умозаключения. Например: "Роман **изучает науки**. → **Изучают науки** студенты. → Следовательно, Роман является студентом".

Если ориентироваться на бумажную схему умозаключения, то у нас создастся впечатление, что средний термин должен приводиться в обоих посылках в одинаковом объёме его содержания. Например, мы говорим: "Если А равно В, а В равно С, то А равно С". И в первой, и во второй посылке данной формулы умозаключения мы имеем один и тот же равный (тождественный) самому себе средний термин, обозначаемый буквой "В".

Но в процессе своей реальной умозаключающей деятельности наше мышление оперирует средним термином далеко не так однозначно. В каких-то случаях оно приводит его в обоих посылках в одинаковом объёме. Но в подавляющем большинстве случаев оно применяет этот средний термин в неполном, выборочном объёме. В одной из посылок средний термин приводится в полном объёме, в другой посылке – в неполном объёме.

Например. "Студенты изучают *науки*. → Роман изучает ***химию***. → Следовательно,

Роман является студентом." Очевидно, что химия в данном случае играет роль лишь части *науки* как таковой. Другой пример: "Смертными являются люди. → Сократ – ***мужчина***. → Следовательно, Сократ смертен". Мужчины, как мы знаем, это только лишь одна часть людей.

В полном объёме средний термин приводится как правило в б***о***льшей посылке умозаключения, в которой находится общее понятие. А в узком или выборочном объёме этот термин приводится в м***е***ньшей посылке, в которой находится познаваемый нами предмет.

Такая практика избирательного применения содержания среднего термина является скорее правилом, чем исключением для нашего мышления. Наше мыслящее Я поступает так тогда, когда оно либо не располагает достаточным объёмом знаний о познаваемом предмете, либо, наоборот, слишком хорошо знает его, и не видит нужды перечислять всё его содержание. Делает оно так и тогда, когда требуется выбрать из всего содержания среднего термина только какие-то конкретные, смыслообразующие для данного умозаключения признаки предмета. Поступает оно так и тогда, когда вынуждено руководствоваться какими-то заданными критериями отбора. Иногда оно это делает в конспиративных целях, что бы не все догадались о ком или о чём идёт речь. А иногда просто из-за лени, и-за нежелания произносить лишние слова. И ещё по другим причинам.

Избирательное применение содержания среднего термина приводит к тому, что выстраиваемое умозаключение становится сложным по своему составу. Использование в м*е*ньшей посылке более узкого по содержанию среднего термина не позволяет мышлению напрямую связать её с б***о***льшей посылкой, в которой этот термин приводится как бы в своём полном объёме. И чтобы найти выход из этого положения и логически корректно связать между собой обе посылки, мышлению приходиться также делать дополнительную работу. Оно вынуждено вводить в такие умозаключения дополнительные суждения. Зачем? Затем, чтобы с их помощью приравнять неполный средний термин м***е***ньшей посылки к полному среднему термину б***о***льшей посылки.

Например. "Люди смертны. → Сократ – мужчина. → Мужчины вместе с женщинами образуют человечество (людей). → Следовательно, Сократ является человеком и, стало быть, он смертен". Другой пример: "Студенты изучают науки. → Роман изучает химию. → Химия – это часть науки как таковой. → Следовательно, Роман является студентом".

Но в процессе своей повседневной реальной умозаключающей деятельности мышление опять-таки не всегда вводит в такие умозаключения дополнительные суждения. Да, чисто теоретически или логически, как ещё говорят, оно должно это делать. И когда надо, оно всё это действительно делает. Но в большинстве случаев, наше мыслящее Я ограничивается лишь таким частичным обоснованием сделанных им посредством таких умозаключений выводов. При этом оно может руководствоваться не только своими рациональными доводами, т.е. теми немногими признаками, которые оно нашло у предмета и включило в состав своего умозаключения, но и своим чувством (чуйкой, как мы говорим), своей интуицией, свои опытом, реакцией окружающих, и т.д.

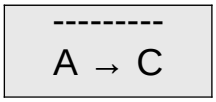
И вот в этом также надо видеть проявление мудрости нашего (человеческого) ума, его способности использовать при распознавании предметов и принятии в отношении них каких-то решений, все свойства нашего интеллекта: и созерцание, и чувственность, и интуицию, и опыт, и т.д.

Таково четвёртое действие мышления по тонкой настройке смыслов умозаключений, которое основано на избирательном применении содержания среднего термина. Это действие Аристотель приписал к третьей схеме (фигуре) расстановки терминов. Более того, как и в случае со второй фигурой, он провозгласил это действие **правилом** этой третьей фигуры.

Фигура 3

A → **B**

C → **B**

Согласно этому правилу, средний термин в б***о***льшей посылке третьей фигуры должен приводиться в ***полном*** объёме, а в м***е***ньшей посылке – в ***частичном*** (неполном, выборочном) объёме. При этом б***о***льшая посылка может быть как утвердительной, так и отрицательной, а м***е***ньшая посылка – только утвердительной. Соответственно и вывод из этой фигуры может быть как утвердительным (положительным), так и отрицательным, но в обоих случаях лишь **частично** обоснованным.

В учебниках логики вывод из третьей фигуры называют *частным*. Но при этом мы должны понимать, что определение "частное" относиться здесь уже не к объёму (полноте) содержащихся в выводе крайних терминов, а к уровню обоснования их **связи** друг с другом.

Крайние термины умозаключения являются величинами постоянными (неизменяемыми). Они задаются нам тем вопросом, на который мы даём посредством данного умозаключения ответ. Например. "Является ли Сократ смертным?" В этом вопросе уже содержатся оба крайних термина: "Сократ" и "смертные". И если в выводе этого умозаключения окажутся какие-то другие крайние термины, то это будет означать, что мы либо неправильно (некорректно) сформулировали его, либо незаметно для самих себя вышли из этого умозаключения и перешли в другое.

Каковы крайние термины в посылках умозаключения, таковы они должны быть и в его выводе. Иначе говоря, какими крайние термины вошли в состав умозаключения, такими же они должны и выйти из него. Варьируемым (избирательным) в рамках этого умозаключения может быть только содержание его среднего термина.

В защиту авторов учебников логики можно сказать, что вот эта путаница с пониманием смысла определения "частное" во многом обусловлена текстами самого Аристотеля. Мы говорили уже в начале лекции, что Аристотель рассматривал умозаключение, как двухактное действие. Сначала мышление поводит предметы под общие (родовые) понятия, потом распределяет их по видам. И только в этом втором акте у него появляются такие определения, как "некоторые" и "часть", которые относятся уже к объёму крайних терминов. Каждый вид является частью своего рода.

Одно дело процедура **подведения** единичного предмета под общее (родовое) понятие, и совсем другое – процедура **разделения** этого родового понятия на виды. В первом случае нам нужны три термина – *предмет*, *понятие* и их *общий признак*, из которых мы выстраиваем само это умозаключение подведения. Во втором случае, как показал Гегель, нам нужны уже три разных вида умозаключений: дедукции, индукции, аналогии. Только с их помощью мы сможем разделить какую-то родовую общность предметов на виды.

Положение Аристотеля, что варьируемый средний термин может использоваться только в третьей фигуре, т.е. только при том раскладе терминов, который мы имеем в третьей схеме, является ошибочным. Подобное действие мышления может иметь место в любой из четырёх фигур, вне зависимости от расстановки терминов.

Тот факт, что Аристотель связал это действие именно с третьей схемой (фигурой), можно объяснить тем, что эта схема (А – С – В) оставалась свободной у него. Первую свою фигуру, где средние термины стоят посредине между крайними (А – В – С), Аристотель рассматривал, как естественную, универсальную и базовую для нашего мышления. Поэтому в отношении неё он ограничился только тем, что описал её структуру, все её элементы.

Вторую свою фигуру, в которой средние термины стоят в обоих посылках впереди крайних (В – А – С), он связал с действием мышления по перестановке частицы "**не**" от среднего термина, к крайнему. Для этого у него было хоть и очень слабенькое, но всё же какое-то основание. Как мы уже говорили при внесении в эту фигуру частицы "**не**" она так или иначе будет отрицать один из её крайних терминов.

А вот его третья фигура, в которой средние термины стоят позади крайних (А – С – В), е щё оставалась свободной у него, не задействованной ни под что другое. И вот это-то и могло

сподвигнуть Аристотеля привязать к этой третьей фигуре действие мышления по избирательному применению содержания среднего термина. Никаких других "преимуществ" в пользу этого у неё не было. Тут получилось, как в той песне: "Вот и встретились два одиночества...". Но эта встреча состоялась только благодаря самому Аристотелю.

Вот так, судя по его текстам, появилась эта третья фигура умозаключения, в основу которой Аристотель положил действие мышления с варьируемым содержанием средним термином.

Здесь нам придётся сказать и о правилах **четвёртой фигуры**, хотя её у самого Аристотеля не было. По схеме расположения терминов она представляет собой единство второй и третьей фигур. Если во второй фигуре переставлены термины только в первой посылке, а в третьей фигуре – только во второй, то в четвёртой фигуре переставлены термины в обоих посылках. А это значит, что данная фигура должна сочетать в себе правила обоих этих фигур: и второй, и третьей.

Согласно этим правилам, б***о***льшая посылка четвёртой фигуры должна быть *исключающей*, но полной по содержанию её среднего термина, а м***е***ньшая посылка должна быть утвердительной, но *неполной* по содержанию её среднего термина. Соответственно вывод из этой четвёртой фигуры может быть только: а) *отрицательным* и б) *частично* обоснованным. Например. "**Не** студенты изучают *науки*. → Изучает **химию** Роман. → Следовательно, Роман не является студентом".

Чтобы связать эти посылки между собой, мышлению необходимо внести в это умозаключение как минимум два дополнительных суждения. Одно – для преобразования *исключающей* посылки в просто *отрицательную*, благодаря чему она примет вид: "Студенты не изучают науки". Другое суждение для приведения *неполного* среднего термина м***е***ньшей посылке к *полному* среднему термину б***о***льшей посылки. Она будет иметь такой вид: "Химия – это часть науки как таковой".

Умозаключение четвёртой фигуры может состоять не менее, чем из четырёх посылок.

Таково последнее (четвёртое) действие мышления по тонкой настройке смыслов умозаключений, которое основано на *избирательном применении содержания среднего термина*. Это действие Аристотель привязал, как мы уже сказали, к третьей схеме расстановки терминов, благодаря чему он возвёл её в статус "фигуры". Вот эту третью фигуру и её правило он описал в 6-й главе "Первой Аналитики".

А в 7-й главе, которую он назвал "О сведении второй и третьей фигуры к первой", Аристотель подвёл итоги своему учению о фигурах умозаключений. В этой главе он говорит о том, что единственной полноценной фигурой является только первая. Именно посредством неё мышление решает все свои задачи. Две другие фигуры – вторая и третья – являются неполноценными, ущербными. Умозаключения второй фигуры дают нам только отрицательные выводы, а умозаключения третьей фигуры – лишь частично обоснованные выводы. При этом по своему составу обе эти фигуры, в отличие опять-таки от первой, являются уже не простыми, а сложными

Переход к исследованию определений модальности.

Вывод из умозаключения третьей фигуры, как мы только что сказали, и как пишет сам Аристотель, может быть только частично обоснованным. А такой частично обоснованный вывод потенциально содержит в себе шкалу степеней соответствия воспринимаемого нами предмета тому понятию, под которое мы его подводим. Такая шкала соответствия называется также школой ***модальностей***.

Мы с вами уже говорили в 12-й лекции о тех модальностях, которые возникают при сравнении предмета с его понятием:

а) предмет предположительно соответствует понятию.

б) предмет, возможно, соответствует понятию, а возможно не соответствует.

в) предмет необходимо соответствует понятию.

Благодаря исследованию этой третьей фигуры – нет худа, без добра – Аристотель вышел к ещё одной теме логики – к модальностям "открытых" им фигур умозаключений. И начиная со следующей восьмой главы, он переключился на исследование этой темы и посвятил ей пятнадцать глав (с 8-й по 22-ю).

Но мы их рассматривать не будем, поскольку это уведёт нас в сторону. Наша задача состоит теперь в том, чтобы подвести итоги его учению о фигурах силлогизмов (умозаключений).

ВЫВОДЫ

В своём учении о фигурах силлогизмов Аристотель описал структуру наших естественных умозаключений и те элементы, из которых они состоят. Таковыми элементами являются: две посылки и вывод, крайние и средние термины, а также соединяющая их связка и частица "не".

Далее он описал те действия в отношении данных элементов, посредством которых мышление осуществляет тонкую настройку смыслов своих умозаключений.

1. **Перестановка посылок умозаключения**. Отдельного описания этого действия у Аристотеля нет, но он упоминает о нём в своих текстах. Поэтому мы его тоже кратко коснулись.

2. **Перестановка терминов в посылках**. Исследуя именно это действие, Аристотель открыл *три схемы* расположения *терминов*, которые он назвал фигурами умозаключения: первая, вторая (средняя) и третья (последняя). Позднее к этим трём схемам его последователи добавили ещё и четвёртую.

3. **Перемещение отрицательной частицы "не"** (отрицательной связки) **от среднего термина к крайнему**. Анализируя это действие, Аристотель нашёл две разновидности отрицательных посылок: *просто отрицательную* и *исключающе-отрицательную*. Правда самого этого слова "исключающая" в его текстах нет. Он всюду употреблял слово "отрицательная", но при этом вкладывал в него как тот, так и другой смысл.

4. **Избирательное применение содержания среднего термина** умозаключения. Рассматривая это действие, Аристотель вышел к понятиям *частично обоснованного* вывода и *модальностей* таких выводов.

Все эти четыре действия свидетельствуют о том, что при исследовании умозаключений Аристотель руководствовался не случаем, а тем описанием, которое он дал им в первой главе. В таких случаях говорят, что исследователь шёл за понятием познаваемого предмета.

И далее, имея уже в своём распоряжении весь найденный и исследованный им материал, Аристотель сконструировал из него две фигуры умозаключений – вторую и третью.

Первую фигуру не надо было конструировать, поскольку она дана человеку от природы. Поэтому Аристотель ограничился тем, что только **описал** её.

В основу своей **второй** фигуры он положил, с одной стороны, **вторую** схему расстановки терминов умозаключения, с другой – **действие** мышления по перемещению **частицы** "**не**" от среднего термина к крайнему.

В основу своей третьей фигуры он положил **третью** схему расстановки терминов и **действие** мышления по применению **неполного среднего термина** (выборочного применения его содержания).

Вот так у Аристотеля появились три его фигуры. И такова вкратце суть его учения о фигурах умозаключений, которое в учебниках логики называют также аристотелевской теорией силлогизмов.

Недостатком этого учения является то, что его вторая и третья фигуры имеют искусственное происхождение. При этом важно обратить внимание, что все те компоненты, из которых они были сформированы, являются вполне естественными. А искусственной в них является лишь та связь, которой Аристотель скрепил эти компоненты между собой.

Почему искусственными? Потому, что сами по себе эти компоненты (схемы расстановки терминов и приписанные к ним Аристотелем действия мышления) никак не связаны друг с другом. Поэтому и созданные на основе этих связей фигуры умозаключений – вторая и третья – являются искусственными, надуманными. Они существуют лишь в виде нарисованных на бумаге схем, но не как действительные рабочие инструменты нашего мышления. В качестве таковых их просто нет. У нашего мышления есть только одна фигура умозаключения, та, которую Аристотель называл первой.

"Открытие" второй и третьей фигур было ошибкой Аристотеля. Но только ошибкой, а не виной. Являясь первопроходцем научного познания, вступив на это дикое и ещё никем тогда не паханное поле знаний, Аристотель имел право на ошибки. И проблема состоит не в том, что он делал ошибки, а в том, что эти ошибки, и, в частности его ошибочные фигуры умозаключений, были взяты в дальнейшем на вооружение, канонизированы, введены в образование, и дожили до наших дней. Но за это вина лежит уже не на Аристотеле, а на его последователях.

Здесь получилось, как в стихах В. Высоцкого:

Пусть жираф был не прав,
Но виновен не жираф.
А тот, кто крикнул из ветвей:
Жираф большой, ему видней.

Проживи Аристотель ещё много-много лет, он конечно же вернулся бы к этим фигурам и обстоятельно проработал их. И пришёл бы к выводу, что его вторая и третья фигуры действительно являются ошибочными, а стало быть, научно несостоятельными. Несостоятельными потому, что у них нет никакого обоснования. Он их только описал, только декларировал, но не дал им никакого доказательства. Он не показал того, что связь их компонентов, тех, из которых он их создал, имеет естественный характер.

В итоге получается так, что именно Аристотель своим учением о фигурах умозаключений заложил основы как положительного, так и отрицательного направлений исследования умозаключающей деятельности мышления. Само это учение, почти всё его содержание, являются положительными. А отрицательным в нём являются только две эти фигуры: вторая и третья. А говоря точнее, только та связь, которой он скрепил компоненты этих фигур. Вот эта связь является той ложкой дёгтя, которая конфликтует с положительным содержанием его учения о фигурах силлогизмов.

По такому же шаблону стали действовать и последователи Аристотеля, те, которые продолжили работать на этом отрицательном направлении его логики. Они берут за основу реальные инструменты нашего мышления те, которые описываются в положительном направлении. Но далее они используют эти инструменты уже по своему усмотрению, вне какой-либо их связи с реальной познавательной деятельностью мышления. Т.е. они поступают также, как это получилось и у самого Аристотеля. Сами компоненты созданных им фигур были естественными, а вот их связь – искусственной.

Всё сказанное нами в этой лекции может вызвать некоторую оторопь у неподготовленных в плане логики слушателей, и создать у них впечатление, что мы ни с того, ни с сего взяли и обрушили твёрдо стоявшее на ногах на протяжении тысячелетий учение Аристотеля о фигурах силлогизмов. Но это не так. Не мы первые. Многие философы прошлого

выражали своё недовольство этими фигурами и высказывали свои претензии к ним. Но делали они это, скажем так, лишь на уровне ворчания.

Первым, кто выступил с основательной критикой этого учения, был Иммануил Кант. В своей весьма красноречивой по названию статье: "Ложные мудрствования по поводу четырёх фигур силлогизмов" он показал, что это учение Аристотеля является "колосом на глиняных ногах". И сделал вывод, что самым лучшим решением в отношении этих фигур было бы навсегда забыть об них, перестать ими заниматься. (Более подробно об этой статье Канта мы поговорим в следующей лекции.)

Подобную же оценку дал этим фигурам и Гегель. Но не в открытую, не в виде отдельной статьи или речи, а самим содержанием своей "Науки логики". Он полагал, что после появления его "Науки логики" проблема аристотелевских фигур умозаключений уйдёт сама собой. Собственно, так и должно быть. К этому надо ещё добавить, что именно Гегель указал на наличие в аристотелевской логике не только положительного, но отрицательного направления исследования мышления.

И вот об этом отрицательном направлении, в том его виде, которое оно приобрело после Аристотеля, мы будем говорить уже в следующей лекции. Она также должна быть интересной, поскольку в ней будет своя детектива. Если из всего учения Аристотеля к этому отрицательному направлению можно отнести только две его фигуры, то в появившихся спустя много столетий учебниках логики этому направлению отведено уже более половины их объёма. А авторы так называемых неклассических логик 20 столетия довели этот показатель почти до 100%.

Но об этом – в следующей лекции, которая будет называться "Отрицательное направление аристотелевской логики".

На сегодня всё. Благодарю вас за внимание.

Не забывайте про лайки. Лайки – это наша обратная связи.

И до встречи в следующей лекции, которая, надеюсь, будет ещё до летних каникул.

Май, 2026 г.